

УДК 81-119

ИЗ ИСТОРИИ РЕЦЕПЦИИ CHARLES BALLY В СОВЕТСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ИСТОРИЯ В ТРАНСКРИПЦИИ, ТРАНСКРИПЦИЯ КАК ИСТОРИЯ

Д. Веселинов¹

Представлено системное исследование истории передачи фамилии швейцарского лингвиста Charles Bally средствами русской транскрипции в лингвистических дискуссиях XX века. Реконструируется история введения в научный обиход русской и советской лингвистики работ Charles Bally, в том числе в связи с публикацией «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Анализируются варианты транскрипции фамилии Bally в работах Г.О. Винокура, М.Н. Петерсона, В.Н. Волошинова, Г.К. Данилова, Б.А. Ларина, Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова и др. Устанавливается, что постепенное закрепление ставшего кодифицированным варианта «Балли» является результатом идеологических дискуссий в советском языкознании 1920–1950-х годов.

***Ключевые слова:** Шарль Балли, транскрипция, рецепция, диахронная орфография, структурализм, Женевская лингвистическая школа.*

В этом году исполняется 70 лет со дня смерти известного швейцарского лингвиста, одного из основателей Женевской школы – Шарля Балли (Charles Bally, 1865–1947). Мы высоко ценим его удивительную интуицию, проявившуюся в подходе к тонкостям французской речи, его исследования в области общего и французского языкознания, написанный им трактат по французской стилистике, а также идею издания знаменитого «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и саму работу по реконструкции текста, осуществленную в сотрудничестве с Альбертом Сешэ при участии ученика Соссюра Альберта Ридлингера.

¹ Софийский университет им. Святого Климента Охридского
1504, Болгария, София, бул. Цар Освободител, 11.

Поступила в редакцию 09.03.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-1-6

© Веселинов Д., 2017

Кроме того, Charles Bally принадлежит выдающаяся роль в редактировании ключевого для современной лингвистики выражения: «*La linguistique a pour unique et véritable objet la langue envisagée en elle-même, et pour elle-même*» [48, p. 317]². Этот тезис до сих пор удивляет своей ясностью, категоричностью и эпистемологической провокативностью и продолжает вызывать полемику по поводу конкретности допустимых границ лингвистических действий.

Наряду с богатым и разнообразным творческим наследием известный теоретик французской стилистики и лексикологии оставил своим славянским исследователям скрытый филологический вызов, загадку, которая остается практически нерешенной вот уже 70 лет после его смерти и, вероятно, еще долго будет поляризовать мнения ученых. Речь идет о кодифицированной транскрипции его фамилии буквами русского алфавита. Сколь незначительным не казался бы этот вопрос и насколько малым не было бы его отношение к истории лингвистики, он является весьма типичным в универсальности своего проявления в отдельных славянских языках. Несомненно, проблема правильного произношения и, соответственно, написания имени *Charles Bally* не вызвала бы дискуссии в начале XX века, поскольку в Женеве и Женевском университете учились русскоязычные юноши и девушки, желавшие получить солидное высшее образование.

Первая книга *Charles Bally* в России — это «*Traité de stylistique française*», изданный в 1909 году в Женеве. В Москве накануне Первой мировой войны появляется также вышедший в 1913 году труд «*Le Langage et la Vie*»³. Московская и санкт-петербургская элита, состоявшая из франкофилов, получивших образование в Женевском университете, знала его как преподавателя, однако сведений о степени распространенности его исследований до выхода в свет «Курса по общей лингвистике» в 1916 году нет. Единственное письменное доказательство, существующее на данный момент, — это записка А. А. Мусина-Пушкина от 1912 года о принятом *Charles Bally* экзамене, проводившемся, вероятнее всего, несколькими годами ранее:

Пятый экзамень состоялъ изъ переводовъ съ англійскаго и немецкаго языка на французскій у проф. *Балли* и Мерсье. Отрывки были предложены

² «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [35, с. 207].

³ «Но имя Балли стало хорошо известно специалистам уже в 1909 г., когда он издал свою двухтомную французскую стилистику, а в 1913 г. выступил с общезыковедческим сочинением под заглавием "Язык и жизнь"» [4, с. 3].

ны не трудные, однако кандидаты съ трудомъ переводили, плохо знали древне-французскія выраженія, не знали, между прочим, такихъ словъ, какъ *manant*, *soche*, объясняли не всегда выраженія, встречающіяся въ одномъ изъ писемъ Де-Севиньи⁴ [28, с. 95].

В действительности использованная форма *Балли* стала первой официальной транслитерацией фамилии известного женеvского профессора буквами русского алфавита, положив тем самым начало интересной орфографической эпопее.

Отголоски этой публикации очень скоро были заглушены грохотом исторических событий. Непосредственных контактов русской интеллигенции со Швейцарией постепенно становится все меньше. Октябрьская революция 1917 года усиливает изоляцию России, и количество русских интеллектуалов, которые вспоминают женеvских преподавателей, все более сокращается. Не случайно проблема способа передачи фамилии швейцарского ученого *Charles Bally* буквами русского языка возникла именно в тот период.

Этот вопрос стал актуальным в связи со знакомством представительей русских лингвистических кругов с реконструированным и изданным *Ch. Bally* и *A. Sechehaye* «Курсом общей лингвистики» Соссюра. В 1918 году на заседании Московской диалектологической комиссии С. О. Карцевский⁵ делает свои первые шаги в этом направлении: наряду с идеями Соссюра русский ученый говорит о его духовных последователях — *Bally* и *Sechehaye*. В 1922 году московский лингвист А. И. Ромм (1898—1943) начинает переводить на русский язык отдельные части «Курса общей лингвистики», а в 1923-м его коллега М. М. Кенигсберг (1900—1924) делает критические замечания к труду. Тогда же Г. О. Винокур (1896—1947) инициирует первое официальное обсуждение «Курса» в своем докладе-рецензии. В декабре 1923 года С. И. Бернштейн (1892—1970) также представляет своим петербургским коллегам основные идеи «Курса общей лингвистики», намереваясь опубликовать наброски своих тезисов. К сожалению, все три попытки публикаций остались нереализованными, из-за чего теперь очень трудно восстановить методы транскрипции имен составителей «Курса общей лингвистики» Соссюра — *Bally* и *Sechehaye*.

⁴ Здесь и далее в цитатах сохранена орфография и пунктуация цитируемых источников. — *Ред.*

⁵ В своих более поздних исследованиях Карцевский часто ссылается на «*La pensée et le langage*» (1922), «*Copule zéro et faits connexes*» (1922), «*Impressionisme et grammaire*» (1920), «*Le langage et la vie*» (1926), «*Traité de stylistique française*» (1921).

В русской лингвистической литературе одна из самых ранних фиксаций имени *Charles Bally* приходится на осень 1923 года, когда Г. О. Винокур опубликовал свою программную статью «Культура языка (Задачи современного языкознания)» в 5-м номере знакового для своего времени журнала «Печать и революция». Он стал первым русским лингвистом, который официально вводит в русскую традицию транскрипцию *Baiiu* (для *Bally*):

Минуту внимания. В основополагающем труде де-Соссюра, изданном его учениками (sic! — Д. В.) *Baiiu* и *Сешейэ* (*Cours de linguistique générale*. Париж; Лозанна, 1916), имеется, между прочим, следующее рассуждение: «Какова полезность языкознания? Мало кто имеет об этом ясное понятие. Но очевидно, напр., что лингвистикой должны интересоваться все, кому приходится обращаться с текстами — историки, филологи и т. п.» [7, с. 105].

Г. О. Винокур также одним из первых оценивает по достоинству то, что было сделано для появления «Курса общей лингвистики» Соссюра составителями «*Baiiu* и *Сешейэ*»:

Судьба этой книги в России, между прочим, является чуть ли не самым плачевным фактом в истории русской лингвистики. Уже семь лет прошло со времени ее издания, а между тем в Москве имеется самое большее 2–3 экземпляра, знакомства с которыми удостоивается лишь маленькая группа счастливых. Перевод этой книги — дело насущно необходимое [7, с. 111].

Актуальность проблемы обрела такую силу, что уже в следующем, 6-м номере журнала «Печать и революция» вышла первая русская рецензия на изданный *Bally* и *Sechahaye* «Курс общей лингвистики» Соссюра [48]. Рецензия стала результатом интереса ее автора, М. Н. Петерсона, к современным процессам в европейской лингвистике, и не случайно она была опубликована под заглавием «Общая лингвистика». В ней анализируются одновременно труды Ф. де Соссюра, Е. Отто и А. А. Поттебни. Автор, по-видимому, на тот момент не совсем хорошо знал Женевское лингвистическое общество, судя по необычной передаче фамилии *Sechahaye* на русский язык: *Сешей(е)*. Но зато он отлично справился с фонетической транскрипцией фамилии *Bally* на русский язык *Baiiu*: Ferdinand de Saussure. Cours de linguistique générale publié par Charles Bally et Albert Sechahaye avec la collaboration de Albert Riedlinger. Lausanne-Paris, 1916, с. 336. — Фердинанд де Соссюр. Курс

по общей лингвистике, изданный Шарлем Байи и Альбертом Сешегей в сотрудничестве с Альбертом Риддигером. Лозанна – Париж. 1916. с. 336 [30, с. 26].

Нужно отметить, что в 1923 году в эмигрантском журнале, издаваемом в Праге белогвардейской диаспорой, появляется первый русский перевод авторского текста *Charles Bally*. Речь идет о его методическом эссе «L'enseignement de la langue maternelle et la formation de l'esprit», в котором использован вариант написания его имени *Балли* [50, с. 52–53]. Но вследствие стечения обстоятельств работа не получила широкой известности в России. Разное написание фамилии становится фактом. Возможно, поэтому четыре года спустя М. Н. Петерсон вновь упоминает имя Ш. Байи, написав его латинскими буквами (*Charles Bally*) в своей статье «Язык как социальное явление», которая, по существу, является докладом, подготовленным к поездке в Париж летом 1925 года:

Bally отмечает также, что присутствие и даже только представление другого лица может воздействовать на нашу речь. Это очень легко наблюдать на телефонных разговорах. Невольно вспоминаются также слова Гоголя (Мертвые души): «У нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста» и т. д. [31, с. 17]

Следующие ученые, которые поддержали вариант написания фамилии швейцарского ученого *Байи*, – это В. Н. Волошинов и Г. К. Данилов. В своем научном обзоре «Новейшие течения лингвистической мысли на Западе» Волошинов уделяет особое внимание Женевской школе и ее представителям, среди которых выделяются фигуры Ch. Bally и A. Secheyaye:

Наиболее ярким выражением абстрактного объективизма в настоящее время является так называемая «женевская школа» Фердинанда де Соссюра (ныне уже умершего). Представители этой школы, особенно Шарль *Байи* (Bally), являются крупнейшими лингвистами современности. Насколько непопулярна в России школа Фосслера, настолько популярна и влиятельна у нас школа Соссюра. Можно сказать, что большинство представителей нашей лингвистической мысли находятся под определенным влиянием Соссюра и его учеников – *Байи* и Сешэй (Secheyaye) [12, с. 125–126].

В то же время появляется исследование П. Медведева «Формальный метод в литературоведении», в котором вновь представлена

французская структуральная школа [27, с. 75]. Это дало повод В. Волошинову возразить ему и напомнить о *Bally*, используя фонетическую транскрипцию *Байи*:

Правда, тот вывод, к которому приходит П.Н. Медведев, утверждая, что французские лингвисты не оказали влияния на основы формалистической поэтики, нам представляется не вполне убедительным. Конечно, если использовать формальный метод ограничить его первым периодом (с 1914 г. по 1918 г. — по отчетливому хронологическому делению П. Медведева), то само собой разумеется, что к серьезному и вполне ответственному лингвистическому мышлению Соссюра, *Байи* и др. футуристические декларации В. Шкловского никакого отношения не имеют. Эта своеобразная, полунаучная, полулитературная конквиста, движимая своими узко-программными, отнюдь не объективно исследовательскими, интересами, только привлекла внимание к тем ценным проблемам, которые не только решить, но даже правильно поставить оказалось не в ее силах [14, с. 206].

Между тем транскрипцию *Шарль Байи* (*Bally*) Волошинов сохраняет также в своем труде «*Марксизм и философия языка*», первое издание которого опубликовано в 1929 году, а второе — в 1930-м [13; 14]. В нем он, аргументируя свою точку зрения, категорически утверждает, что *Шарль Байи* — один из самых значимых современных лингвистов.

Кроме категорического признания значимости женевого лингвиста, В.Н. Волошинов в своем труде особое внимание уделяет концепции *Bally* о «несобственной прямой речи как *style indirect libre*», «критике гипостазирующего абстрактного объективизма *Bally*», включая также отдельный обзор, озаглавленный «*Bally* и фосслерианцы» [13, с. 3]⁶.

После выхода первого издания «*Марксизма и философии языка*» сразу были опубликованы две важные рецензии. В одной, написанной Я. Лоя и напечатанной в журнале «На литературном посту», сохранилась волошиновская фонетическая транскрипция *Ш. Байи*:

В общем языковедении (в «философии языка») т. Волошинов находит два направления: а) «абстрактный» объективизм (Ф.Д. Соссюр, *Ш. Байи*, Сешей, А. Мейе) и б) «индивидуалистический субъективизм» (К. Фослер и др.) [26, с. 72].

⁶ Примерно тогда же Густав Шпет (1879–1937) активно начинает интересоваться «теорией экспрессии *Bally*», которая входит в конструктивную оппозицию с его взглядами на «философию слова»: «Нужно мне признаться в следующем: теория экспрессии *Bally*, облеченная для меня, так сказать, в плоть и кровь...» [39, с. 163–164].

Другая рецензия войдет в историографию транскрипции как особая фонетическая передача фамилии *Bally* на русский язык: *Бальи*. Рецензия была написана филологом, лингвистом и культурологом Р. О. Шор (1894–1939) и опубликована в официальном издании Министерства образования «Русский язык в советской школе». При этом интересно отметить, что Шор непосредственно цитирует на французском языке, связывая «де-Соссюра» с «Вандриесом», «*Бальи*» и «*Мейе*»:

«La langue n'est pas une entité, et n'existe que dans les sujets parlants», — говорит де-Соссюр. И аналогичные замечания можно указать у любого из представителей «лингвистического объектизма» — у Вандриеса, *Бальи*, *Мейе* [38, с. 151].

Сразу привлекает внимание необычное написание фамилии *Бальи*, в котором сочетаются принципы транслитерации (*Балли*) и фонетической транскрипции (*Байи*), что свидетельствует о корректности и готовности к компромиссу. По-видимому, идея этого написания была подсказана способом произнесения мягкого *l* [л] в *Bally* [ba-], которое к 1915 году выходит из употребления [43, с. 205].

В ряде публикаций, появившихся в тот же период (речь идет о 1928–1931 годах), известный своим полемическим стилем Г. К. Данилов последовательно придерживается предложенной Г. О. Винокуром транскрипционной нормы *Байи*. В своей тезисной статье «К вопросу о марксистской лингвистике»⁷ он открыто заявляет, что «наиболее четко о классовом языке ставят вопрос Томсон, Мейе и *Байи* ("Le langage et la vie. 1913 г.")» [18, с. 121], и приводит в качестве примера «классовой иерархии» у немцев утверждение *Bally* о «четырех формах обращения»: «говорили не только *Verstehst Du?* и *Verstehn Sie?*, но и *Versteht Ihr?* и *Versteht Er?* (*Байи*)» [18, с. 122]. В своей статье «Марксистский метод в лексикологии» автор снова ссылается на *Charles Bally*:

Как подметили *Байи* и Вандриес на Западе, а Поливанов у нас, один и тот же индивидуум может участвовать (то есть быть потенциальным членом общения) в нескольких различных объединениях — коллективах, обслуживаемых каждый своим языком или диалектом, то есть сопринадлежать одновременно разным по охвату коллективам. В этом случае индивид совмещает знание и употребление нескольких языковых систем. Какая-нибудь группа курских крестьян-середняков служит в армии и состоит членами компартии [19, с. 59].

⁷ Статья написана на основе доклада, прочитанного 17 января 1928 года на Всесоюзной конференции словесников школ Политпросвета.

Тот же метод передачи фамилии Bally сохраняется в «Кратком очерке истории науки о языке, с приложением программы по "основам языковедения"» Г.К. Данилова (1931), в котором женеvский ученый упомянут в очередной раз:

Другим, весьма важным утверждением социологической школы является тот тезис, что каждая социальная группа или прослойка имеет свой особый язык или диалект. Об этом с достаточной четкостью заявляют Мейе, Байи (*Précis de stylistique*, 1920 г.), Томсон и Шахматов [20, с. 16].

В конце 20-х годов XX века редколлегия журнала «Русская речь» прерывает традицию использования написания фамилии Charles Bally на русском языке как *Байи*, заменяя его в очередном (третьем) номере журнала за 1928 год транслитерированной формой *Ш. Балли*. Первая по хронологии публикация, в которой введена новая графика, — это статья Б. А. Ларина «О лингвистическом изучении города»:

Сравните мысль *Ш. Балли*: «Разговорная простонародная речь продолжает свой поступательный ход, тем более обеспеченный, что он подземен, — он течет как живая вода под крепким льдом книжного условного языка; затем в один прекрасный день лед сломан и шумный поток простонародного языка заливают недвижную поверхность, возвращая ей жизнь и движение». Цитата Bally приведена из его труда «*Le langage et la vie*» (1926. Paris, Payot), причем название книги и имя автора даны в оригинале [25, с. 68].

Автором второй публикации, посвященной Bally и напечатанной в том же третьем номере журнала «Русская речь», является уже знакомый нам Г.О. Винокур, пустивший в обиход написание *Байи*. Он вновь обращается к Женевской лингвистической школе, но уже по-другому подходит к написанию фамилии швейцарского профессора:

То стилистическое обособление, в котором оказываются иные из этих терминов или номинативных речений, создает в результате так называемые лингвистические клише. Как определяет *Балли* (*Traité de stylistique française*, I, §99), это — *locutions toutes faites*, т.е. как бы заготовленные раз навсегда речевые штампы с окончательно сложившимся, окаменевшим синтаксическим построением. *Балли* совершенно справедливо указывает, что речь, пользующаяся этими штампами *de bonne foi*, то есть с полным доверием к их словарному значению и минуя их конвенциональное назначение, есть признак культурного провинциализма, того, что он называет *demi-culture*. Это не значит еще, однако, что штампы лишены своей особой положительной роли в стилистике [8, с. 90].

В 1929 году Винокур продолжает швейцарскую тематику в своей новоизданной книге «Культура языка», где он цитирует труд женеvского коллеги «*Le Langage et la vie. Linguistique générale et stylistique, mécanisme de l'expressivité linguistique, langage transmis et langage acquis. L'enseignement de la langue maternelle et la formation de l'esprit* (Bally, 1926) и конспекты лекций Соссюра, «изданных по запискам его слушателями, профессорами Ш. Балли и А. Сешез, перв. изд. 1916, второе – 1922» [10, с. 27]. В исследовании существенным моментом является то, что заслугой Шарля Байи признается деятельность его не только как теоретика, создавшего свое учение, но и как исследователя, наглядно показавшего прикладную силу данной академичной дисциплины: «...после книги Балли "Traité de stylistique française" доказывать возможность прикладного языкознания уже значительно легче» [10, с. 34]. В 1930 году выходит очередной 41-й том «Энциклопедического словаря», в котором статья о стилистике посвящена новой теории Балли:

Учение о С[тилистике] французского лингвиста Балли (Ch. Bally. *Traité de stylistique française*, 2 т., 1921, 2 изд.) исходит из рассмотрения языка как системы выразительных средств, частью – логических, частью – эмоциональных (аффективных) [40, с. 354].

Написание «Балли» воспринято также Л. П. Якубинским, который в 1931 году опубликовал в сборнике «Языковедение и материализм» свою документально-аналитическую работу «Ф. Де Соссюр о невозможности языковой политики»⁸. Насчет утверждения Ф. де Соссюра, что «в известном смысле можно одновременно говорить о неизменяемости и изменяемости языкового знака», автор выдвигает контраргумент, непосредственно ссылаясь на женеvского ученого Балли:

Это замечание Соссюра издатели его «Курса» Балли и Сешез сопровождают следующим примечанием, разрушающим, кстати сказать, его кажущуюся «диалектичность»*... Примечание Балли и Сешез совершенно правильно характеризует позицию Соссюра: у него действительно в первом случае идет речь о невозможности для говорящих изменять язык, во втором – об изменяемости языка во времени [41, с. 91].

* Было бы ошибочно упрекать де Соссюра в том, что он, приписывая языку два противоположных качества, иллогичен или парадоксален; противопоставлением двух броских выражений («*deux termes frappants*») он хотел только крепко подчеркнуть ту истину, что язык преобразуется без того, чтобы говорящие могли его преобразовывать. Можно также сказать, что он недосыгаем (*intangible*), но и неизменяем (*inaltérable*).

⁸ Доклад Якубинского, прочитанный в Государственном институте речевой культуры 5 октября 1929 года.

В данном случае любопытно отметить, что только годом ранее Якубинский заменил написание русской словоформы *Балли* на французскую *Bally* в своей критической публикации, направленной против Г. К. Данилова (видимо, чтобы отграничить себя от оппонента и парировать его возражения):

Как относится, в таком случае, Данилов к учению *Bally* о двух основных тенденциях-функциях языка: интеллектуальной (коммуникативной?) и экспрессивной? Этот вопрос тем более законен, что, если Данилов является сторонником примата экспрессивной функции (а *только* в этом смысле можно понять его утверждение, что *классовая* природа языка наиболее отчетливо вскрывается именно при анализе его в экспрессивной функции), то сторонником примата экспрессивной функции является и *Bally*; если *Bally* считает, что именно экспрессия создает новые слова и выражения, то Данилов утверждает, что «бурный рост словотворчества» есть «овеществление экспрессии». <...> Экспрессию он отождествляет со *стилем* и приближается в этом к *Bally*; однако и *Bally* подвергается «переработке»: в стиле наиболее отчетливо вскрывается *классовая* природа языка [42, с. 50 – 52].

Годом позже отзыв интенсивных швейцарско-русских контактов послереволюционного периода, хотя и слегка приглушенный, нашел отражение в вышедшем в 1933 году первом переводе на русский язык «Курса по общему языкознанию» Соссюра. Тогда имя швейцарского ученого *Charles Bally* было передано формами *Ш. Балли* [35, с. 3, 20, 27], *Ш. Б.* [35, с. 27] и *Шарль Балли* [35, с. 261], канонизируя, таким образом, способ его написания *Балли*.

Идея этого необычного способа написания была предложена Р. О. Шор и воспринята А. М. Сухотиным (1888–1942), который, как член «Орфографической комиссии АН СССР», был сторонником так называемой «практической транскрипции». Можно только допускать заочную роль С. Карцевского в принятии решения о написании имени *Bally* как *Балли*, но это остается в сфере догадок. Факт, однако, заключается в том, что благодаря своим главным «распространителям» *Ch. Bally* и *A. Sechehayе* соссюрианство «в послеоктябрьскую эпоху» оказывает влияние на ряд русских ученых (наиболее известные среди них – Дурново и Пешковский), а также на авторов некоторых школьных учебников (напр.: *Карцевский С.* Повторительный курс русского языка. М.: ГИЗ, 1928). Особый интерес представляет рецензия Г. К. Данилова «Языковеды Запада», посвященная первому русскому переводу А. М. Сухотина «Курса общей лингвистики» Соссюра. В этой рецензии по неизвестным причинам не только не упоминается деятельность составителей *Ch. Bally* и *A. Sechehayе*, но и отсутствуют в библиографиче-

ском описании их имена [21, с. 3]. В 1936 году В. А. Гофман в своей книге «Язык литературы: очерки и этюды» восстанавливает употребление варианта написания *Балли*: «"интенсивность представления", по выражению французского лингвиста Ш. Балли» [16, с. 49].

Нет достаточных сведений о процессах транскрипции, связанных с вариантами написания имен *Bally* и других представителей Женевского структурализма, с конца 30-х годов XX века и во время Второй мировой войны. Можно только предположить, что в тот период в научной коммуникации между лингвистами встречаются в основном варианты написания *Байи* и *Бальи*, поскольку в русском языке транслитерация двойных согласных в фамилиях интенсифицируется во второй половине 40-х годов XX века. В 1946 году Г. О. Винокур в рукописи работы «Об изучении языка литературных произведений» цитирует книги *Bally* «*Traité de stylistique française*» (1921) и «*Le langage et la vie*» (1926), оставив, однако, французское написание его имени [10]. В том же году в «Очерках по истории русского реализма» Г. А. Гуковский уже использует вариант написания «*Балли*»: «вопросительная и восклицательная фраза — эти конструкции семантически и интонационно близки иногда до неразличимости, как это показал *Балли*, выпадают из типа обычной фразы-суждения» [17, с. 51].

Возродившийся в 50-е годы XX века в России интерес к лингвистической проблематике не оставил без внимания и представителей Женевского университета. Соответствовала своему времени и издательская политика созданного в 1952 году и отражавшего актуальные научные дискуссии журнала «Вопросы языкознания», официального органа русской лингвистической общественности. Первоначально был выбран путь прямой конфронтации с буржуазной лингвистикой в лице Женевской школы и сосюррианства⁹, датской глоссематики и американского структурализма. Во второй половине 1950-х годов журнал отражает исследовательские процессы уже более объективно. Но во вступительной статье первого номера «Вопросов языкознания» *Bally* в компании Saussure и Sechehaye попадают под удары идеологической критики. Взгляды *Балли* и *Сешез* на то, что «всякая, даже самая простая, идея по существу непередаваема» и что «язык дает лишь схематический и извращенный образ», безапелляционно отвергнуты как

⁹ Еще Д. Введенский в предисловии к первому русскому изданию «Курса общей лингвистики» официально отвергает *сосюррианство*, критикуя его за то, что оно выполняет «запросы» и «социальный заказ» «европейского общества», которые нужно решать «научно убедительно», «в классовых интересах буржуазии» [35, с. 19–20].

ненаучные и объявлены опасными и заразными, поскольку «некоторые лингвисты из стран народной демократии еще продолжают тянуть за собой груз таких воззрений» [22, с. 4–5]. Фердинанда де Соссюра и Женевскую школу, членами которой были Bally и Sechehaye, заклеямили, определив как представителей «буржуазного языкознания», распространителей идеалистических идей и как стоящих в основе философии «американских империалистов» и «реакционных семантиков».

«Социологический» подход к языку, демонстративно выдвигаемый в буржуазном языкознании, в учении де Соссюра и его школы на самом деле приводит к отрицанию общественной сущности языка [22, с. 8].

С вопросами общественного развития языка, а также с изучением строя языков тесно связано определение сущности языкового знака. Эта проблема занимает видное место в западноевропейской идеалистической лингвистике. Проблему языкового знака пытался разрешить де Соссюр; этот вопрос — один из центральных в семантической философии. Язык объявляется системой знаков, выражающих представления (идеи). Вопрос о языковом знаке, значении, понятии и отражаемой этим понятием действительности, вопрос о социальной мотивированности значений языковых знаков в структуре общенародного языка, о произвольности языкового знака в отношении говорящего индивида и о характере его «произвольности» в отношении обозначаемого — все это чрезвычайно важные вопросы и для советского, марксистского языкознания. Понимание языка как системы знаков может быть истолковано и в материалистическом и в идеалистическом духе. Именно идеалистическое истолкование сущности языкового знака является критерием при оценке «социологизма» де Соссюра и его школы [22, с. 9].

Позитивистическая философия, состоящая на вооружении американских империалистов, и в особенности «школа» реакционных семантиков, охотно пользуется концепцией де Соссюра. Семантики также сводят человеческую речь к отвлеченной, не связанной с объективным миром системе знаков [22, с. 10].

Даже академик И.И. Мещанинов критикует самого себя, подчеркивая «антиисторицизм своих построений» и их действительное «совпадение со схемами синхронистической лингвистики *соссюровского* типа» [29, с. 174]. В данном случае, однако, интерес вызывает не столько непринятие идеологии «Соссюра и его школы», сколько способ написания фамилий Bally и Sechahaye: был отвергнут первый способ написания фамилии Bally (*Бальи*), вероятно, как часть формалистической лингвистической практики до Марра или часть контекста самой лингвистики Марра, и сделана попытка легитимировать неконвенцио-

нальное написание с удвоенным *ll* — *Балли*¹⁰. В данной словоформе каноническое транслитерирование входит в острую конфронтацию со способом произношения имени, поэтому она не должна быть использована как официальная норма. Тем не менее именно такой вариант написания был включен не куда-нибудь, а в программную статью журнала «Вопросы языкознания». Кроме того, «устаревшая», хотя и популярная транскрипция *Балли*, которая считалась «буржуазной», «революционно-формалистической» или «марристской/яфетической», заменена соответствующей духу времени новоизобретенной авторитетной окказиональной транслитерацией *Балли* [22, с. 4]. Это должно было поставить точку в споре об эталоне написания фамилии швейцарского ученого, тем более что буквальная транслитерация иностранных имен и фамилий становится русской всеобщей издательской нормой. В этом духе О. С. Ахманова еще в 1953 году в своей статье «Глоссематика Луи Ельмслева» использует новую словоформу *Балли*.

Но в 1954 году события принимают неожиданный оборот. В первом номере журнала «Вопросы языкознания» появляется статья Р. Г. Пиотровского «О некоторых стилистических категориях», в которой он обращает специальное внимание на «классификацию оценочных экспрессий, предлагаемую Ш. Байи», и цитирует труд *Ch. Bally* «Трактат по французской стилистике»¹¹. Этот пример оказался заразительным, Пиотровскому сразу последовал Вяч. Вс. Иванов, который в своей рецензии о Ежи Куриловиче неоднократно использует словоформу *Байи*:

...это — предсмертный труд *Байи*. Работа Куриловича отличается от исследования *Байи* в двух отношениях: во-первых, *Байи* стремился дать чисто синхроническое лишь с отдельными историческими экскурсами; во-вторых, как верный ученик де Соссюра, он старался тщательно разграничить «законы, относящиеся к обозначающему» (то есть фонетические) и «правила, определяемые природой обозначаемого» (работа *Байи* делится на озаглавленные таким образом части) [23, с. 130].

¹⁰ В изданном в 1952 году Л. А. Булаховским „Курсе русского литературного языка» «удвоенные согласные сохраняются в собственных именах: Руссо (фр. Rousseau), *Балли*, *Балли* (фр. Bally), Де-Соссюр» [5, с. 255].

¹¹ «Это разнообразие эмоционально-оценочных значений, их качественное различие обнаружилось уже при первых попытках их классификации. Срв., например, классификацию оценочных экспрессий, предлагаемую Ш. Байи (см. *Ch. Bally. Traité de stylistique française. Vol. I, 3-e éd., Genève, Georg, Paris, Khncksieck, 1951: 175 и сл.*) (Bally 1951)» [32, с. 64].

Складывается ощущение, что в лингвистике наступил поворот, и имя *Bally* нашло точный и приемлемый способ своего написания.

В сложившейся ситуации, пожалуй, самый яркий и авторитетный пример употребления этой транскрипции можно обнаружить в статье «Итоги обсуждения вопросов стилистики» такого беспристрастного ученого, как В. В. Виноградов. Опубликованный материал, по существу, является особым видом отчета о проделанной работе и вместе с тем превращается в программную декларацию:

Сюда же примыкает характеристика экспрессивных качеств разных лексических средств языка. Этой эмоционально-экспрессивной стороне речи некоторые языковеды (например, *Байи*, Сэшеэ и др.) придают основное значение при отграничении предмета и содержания стилистики от сфер исследования, закрепленных за другими лингвистическими дисциплинами [6, с. 64].

Затем следуют авторские уточнения о первоисточниках, среди которых находят место цитированные основные публикации Charles Bally на французском языке: *Ch. Bally. Le langage et la vie. 3-e éd. Zurich, 1935. P. 79–109; Traité de stylistique française. Heidelberg, 1909; 2-e éd. Heidelberg, 1930–1931; 3-e éd. Genève-Paris, 1951* [6]. Сам факт, что В. В. Виноградов, бессменный главный редактор журнала «Вопросы языкознания» и одна из наиболее авторитетных фигур советского языкознания того времени, выступал приверженцем фонетической передачи имени женеvского ученого, говорит о том, что он был отлично знаком с ситуацией в европейской лингвистике. Новая словоформа *Шарль Байи* более соответствует швейцарско-романскому произношению и точнее передает звуковой состав имени.

Тем временем в 1954 году Р. А. Будагов издает труд «Из истории языкознания», употребляя словоформу *Балли* [4, с. 5 и сл.], а в 1955-м выходит из печати первый русский перевод труда *Ch. Bally*, озаглавленный «Общая лингвистика и вопросы французского языка». Переводчики издания Е. В. Вентцел и Т. В. Вентцел с согласия Р. А. Будагова или под его влиянием как принцип передачи имени женеvского ученого принимают транслитерацию: *Шарль Балли*. Этот подход был поддержан В. Г. Адмони, который в своей статье «Развитие синтаксической теории на Западе в XX в. и структурализм» говорит о системе и трактовке *Ш. Балли* [1, с. 51, 54] и, естественно, цитирует только появившийся русский перевод «Общей лингвистики и вопросов французского языка». Та же практика сохраняется и при переводе на рус-

ский язык монографии «*Traité de stylistique française*» [45], в котором переводчик К. А. Долинин (1928–2009) употребляет форму написания *Балли*. С выходом этого издания в России официально утверждается тенденция передачи имени Ch. Bally посредством транслитерированной формы *Балли* с удвоенным *-л-*: *Балли* [3]. В 1965 году попытки противостоят этой утвердившейся переводческой практике делают А. В. Исаченко и редколлегия университетского учебника «Теория литературы». В своем труде «Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология» А. В. Исаченко продолжает подчеркивать «неканоническую» форму написания имени швейцарского ученого *Байи* при цитировании его новопереведенной книги «Общая лингвистика и вопросы французского языка». Тот же способ написания использован и в «Теории литературы» (т. 3), где женевского ученого продолжают причислять к ученикам Соссюра: «Начало этому направлению положил ученик Соссюра языковед *Шарль Байи*» [37, с. 8]. В 1967 году в сборнике статей «Семиотика и восточные языки», изданном Академией наук СССР, неожиданно появляется форма написания *Бальи*. Ответственным редактором сборника был Ю. В. Рождественский, который допускал употребление в печати формы *Ш. Бальи*:

...наверное, и все последующие поколения лингвистов будут знать идеи Ф. де Соссюра такими, какими их представили *Ш. Бальи* и А. Сешэ [33, с. 24].

В следующие годы, однако, в качестве ведущего способа передачи *Bally* утверждается форма *Балли*. Лишь в конце прошлого века появляются эпизодические попытки восстановить фонетическое написание имени женевского лингвиста — *Шарль Байи* [11, с. 6 и др.], которые на данный момент нейтрализованы традицией передачи иностранных имен на русский язык.

Проведенный обзор вариантов передачи имени швейцарского лингвиста *Charles Bally* на другие использующие кириллицу языки также выявил определенную неясность и вариативность: болгарский — *Шарл Байи* (*Бай*, *Баи*, *Байй*, *Бали*); белорусский — *Шарль Бали*; русский — *Шарль Балли* (*Бальи*, *Байи*, *Балли*); украинский — *Шарль Баллі*; сербский — *Шарл Бали* или *Шарл Баји* (напр., прилагательное «*Бајијева* афективна стилистика»); словацкий — *Charles Bally* (ср.: *s Charlson Ballym* 'с Шарл Байи'); казахский — *Шарль Балли* и др. В Македонии тоже сосуществуют две формы в отношении «швейцарскиот лингвист» — он то *Шарл Баји*, то *Шарл Бали*.

Как это ни странно, но факт: имена структуралистов имеют более чем экзотическую судьбу. Кроме *Charles Bally* (*Байи, Балли, Бальи*), также *Йелмслев* (*Хелмслев*) и даже сам *Saussure* насчитывают не менее двух вариантов написания их имени: на русском *Соссюр* или *де Соссюр*, на болгарском *Фердинанд дьо Сосюр* и *Фердинанд де Сосюр*, *Йесперсен* и *Есперсен* (*Жесперсен*) и т.д. К ним можно добавить неустановленную графическую передачу имен во французском языке *Vendryes* и *Sechahaye* (с апострофами или без) и др., а также в их вариантах буквами кириллицы *Вандриес* (на болгарском и французском), *Сеше* (на французском — с апострофами или без) в отдельных языках, в которых наблюдается разнობой в написании.

При цитировании *Шарля Байи* в языках, использующих латинский алфавит, сохраняется оригинальное написание *Charles Bally*, причем на данный момент только некоторые источники (в английской и французской версиях «Свободной энциклопедии») приводят фонетическую транскрипцию: англ. *Charles Bally* (French: [baji]); фр. *Charles Bally* [baji].

Анализ флуктуационных процессов, наблюдаемых в написании имени швейцарского лингвиста *Charles Bally* в русском языке, наводит на некоторые выводы, которые требуют комментария. Как бы странно это ни выглядело для некоторых исследователей идеологий XX века, проблема транскрипций *Charles Bally* существовала в иерархизированной советской науке. Этот вопрос не терял актуальности и периодически возникал, несмотря на тенденцию к централизованной регламентации (*Bally, Байи, Бальи, Балли*). Публикация русских переводов трудов *Charles Bally* [2; 3] имеет непосредственное влияние на транскрипционные практики в разных славянских языках: например, болгарское написание *Бали* является непосредственным отголоском русской транслитерации, распространение которой было поставлено под вопрос в 1975 году (на данный момент встречается форма написания *Баи* с вариантами *Бай, Бали* и *Байи*). В некоторых славянских языках под сильным влиянием английского возникают курьезные случаи: проблема написания *Charles Bally* смещается с фамилии *Bally* (рус. *Балли, Бальи, Байи*; болг. *Байи, Бали, Бай, Баи, Байй* и др.) на имя основоположника женеvской стилистической теории *Charles*, которое, в свою очередь, также становится объектом формотворчества (*Шарль, Шарл, Чарлз* или *Чарлз*).

Список литературы

1. Адмони В. Г. Развитие синтактической теории на Западе в XX в. и структурализм // Вопросы языкознания. 1956. №6. С. 48–64.

2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. Балли Ш. Французская стилистика М., 1961.
4. Будагов Р. Шарль Балли и его работы по общему и французскому языкознанию // Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
5. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Киев, 1952. Т. 1.
6. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. №1. С. 60—87.
7. Винокур Г. О. Культура языка (Задачи современного языкознания) // Печать и революция. 1923. №5. С. 100—111.
8. Винокур Г. Глагол или имя // Русская речь. Л., 1928. Вып. 3. С. 75—93.
9. Винокур Г. О. Культура языка. М., 1929.
10. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
11. Вислова А. В. Сценическое творчество А. А. Миронова и проблема стиля в актерском искусстве 60—80-х годов : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1993.
12. Волошинов В. Н. Новейшие течения лингвистической мысли на Западе // Литература и марксизм. 1928. Кн. 5. С. 115—149.
13. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. 1-е изд. Л., 1929.
14. Волошинов В. Н. О границах поэтики и лингвистики // В борьбе за марксизм в литературной науке. М., 1930. С. 203—240.
15. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. 2-е изд. Л., 1930.
16. Гофман В. А. Язык литературы : очерки и этюды. Л., 1936.
17. Гуковский Г. А. Очерки по истории русского реализма. Саратов, 1946. Ч. 1 : Пушкин и русские романтики.
18. Данилов Г. К. К вопросу о марксистской лингвистике // Литература и марксизм. 1928. Кн. 6. С. 115—137.
19. Данилов Г. К. Марксистский метод в лексикологии // Русский язык в советской школе. 1929. №6. С. 48—62.
20. Данилов Г. К. Краткий очерк истории науки о языке. М., 1931.
21. Данилов Г. К. Языковеды Запада // За коммунистическое просвещение. 1934. №222. С. 3.
22. Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал «Вопросы языкознания» // Вопросы языкознания. 1952. №1. С. 3—40.
23. Иванов В. В. J. Kurytowicz. L'accentuation des1 langues indoeuropéennes // Вопросы языкознания. 1954. №4. С. 125—135.
24. Карцевский С. Повторительный курс русского языка. М., 1928.
25. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь. Л., 1928. Вып. 3. С. 61—74.
26. Лоя Я. [Рец. на]: Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л. : Прибой, 1929 // На литературном посту. 1929. №8. С. 72—73.
27. Медведев П. Формальный метод в литературоведении. Л., 1928.
28. Мусин-Пушкин А. А. Сборник статей по вопросам школьного образования на Западе и в России (по личным наблюдениям). СПб., 1912. Т. 2.

29. Орлова В.Г. Обсуждение книги И.И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР // Вопросы языкознания. 1952. №1. С. 170–176.
30. Петерсон М.Н. Общая лингвистика // Печать и революция. 1923. №6. С. 26–32.
31. Петерсон М.Н. Язык как социальное явление // Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН (Лингвистическая секция). 1927. Вып. 1. С. 5–21.
32. Пиотровский Р.Г. О некоторых стилистических категориях // Вопросы языкознания. 1954. №1. С. 55–68.
33. Семиотика и восточные языки : сб. статей. М., 1967.
34. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики, изданный Шарлем Байи и Альбертом Сешегей в сотрудничестве с Альбертом Ридлингером. Лозанна ; Париж, 1916.
35. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
36. Соссюр Ф. дьо. Курс по обща лингвистика. Обнар. от Шарл Баи и Алберт Сеше със сътрудничеството на Албер Ридлингер / прев. от фр. Живко Бояджиев, Петя Асенова. София, 1992.
37. Теория литературы. М., 1965. Т. 3.
38. Шор Р.О. [Рец. на]: Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л.: Прибой. 1929 // Русский язык в советской школе. 1929. №3. С. 149–154.
39. Шпет Г.Г. Философ в культуре. Документы и письма. М., 2012.
40. Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°» / под ред. проф. В.Я. Железнова, М.М. Ковалевского [и др.]. М., 1910–1948. Т. 41, ч. 4. 1930.
41. Якубинский Л.П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Языковедение и материализм. М. ; Л., 1931. Вып. 2. С. 91–104.
42. Якубинский Л.П. Против «даниловщины» // Против буржуазной контрбанды в языкознании. Л., 1932. С. 47–65.
43. Amacker R. Le développement des idées saussuriennes chez Bally et Sechahaye // Historiographia linguistica. 2000. №2–3. P. 205–264.
44. Bally Ch. Précis de stylistique. Genève, 1905.
45. Bally Ch. Traité de stylistique française. Heidelberg, 1909 ; 2-e éd. Heidelberg, 1930–1931 ; 3-e éd. Genève ; P., 1951.
46. Bally Ch. Le langage et la vie. Genève, 1913 ; 2-e éd. 1926 ; 3-e éd. Zurich, 1935.
47. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. Berne, 1950.
48. Saussure F. de. Cours de linguistique générale publié par Charles Bally et Albert Sechahaye avec la collaboration de Albert Riedlinger. Lausanne ; P., 1916.
49. Saussure F. de. Cours de linguistique générale publié par Charles Bally et Albert Sechahaye avec la collaboration de Albert Riedlinger. P., 1922.
50. Velmezova E. Charles Bally au filtredesa réception en Russie // Charles Bally (1865–1947): Historicité des débats linguistiques et didactiques. Stylistique, Enonciation, Crise du Français. L. ; P., 2006. P. 41–51.

Об авторе

Веселинов Димитр, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского, Болгария.

E-mail: d_vesselinov@yahoo.fr

Для цитирования:

Веселинов Д. Из истории рецепции Charles Bally в советской лингвистике: история в транскрипции, транскрипция как история // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, №1. С. 62–83. doi: 10.5922/2225-5346-2017-1-6.

HISTORY IN TRANSCRIPTION AND TRANSCRIPTION AS HISTORY: CHARLES BALLY IN SOVIET LINGUISTICS

D. Veselinov¹

¹ Sofia University St. Kliment Ohridski
15 Osvoboditel Blvd, Sofia, 1504, Bulgaria

Submitted on Marth 09, 2017

This article describes the results of a systemic study into the history of conveying the name of the Swiss linguist Charles Bally by the means of Russian transcription, in the 20th-century linguistic discussions. The author reconstructs the history of introducing Charles Bally's works into Russian and Soviet linguistics, particularly, in the context of the publication of Ferdinand de Saussure's Course of General Linguistics. The article analyses the variants of transcribing the name Bally in the works of G.O. Vinokur, M.N. Peterson, V.N. Voloshinov, G.K. Danilov, B.A. Larin, L.P. Yakubinsky, V.V. Vinogradov, and others. The author argues that the gradual codification of the Балли variant was a result of ideological discussions in Soviet linguistics held in the 1920 – 1950s.

Key words: Charle Bally, transcription reception, diachronic orthography, structuralism, Geneva School of Linguistics.

References

1. Admoni, V.G., 1956. Development of the syntactic theory in the West in the XX century and structuralism. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 6, pp. 48–64.
2. Balli, Sh., 1995. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Moscow.
3. Balli, Sh., 1961. *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moscow.

4. Budagov, R., 1955. Charl Balli and his work in general and french linguistics. In: Sh. Balli *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Moscow
5. Bulakhovskii, L. A., 1952. *Kurs russkogo literaturnogo yazyka* [The course of the Russian literary language]. Kiev. Vol. 1.
6. Vinogradov, V. V., 1955. Results of discussion of stylistics issues. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 1, pp. 60–87.
7. Vinokur, G. O., 1923. Culture of language (Tasks of modern linguistics). *Pechat' i revolyutsiya* [Print and revolution], 5, pp. 100–111.
8. Vinokur, G. O., 1928. A verb or a name. *Russkaya rech'* [Russian speech], 3, pp. 75–93.
9. Vinokur, G. O., 1929. *Kul'tura yazyka* [Culture of language]. Moscow.
10. Vinokur, G. O., 1959. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow.
11. Vislova, A. V., 1993. *Stsenicheskoe tvorchestvo A. A. Mironova i problema stilya v akterskom iskusstve 60–80-kh godov* [Scenic creativity of A. A. Mironov and the problem of style in the acting art of the 60s-80s], PhD. Moscow.
12. Voloshinov, V. N., 1928. The newest trends of linguistic thought in the west. *Literatura i marksizm* [Literature and marxism], 5, pp. 115–149.
13. Voloshinov, V. N., 1929. *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and the Philosophy of Language]. Leningrad.
14. Voloshinov, V. N., 1930. On the limits of poetics and linguistics. In: V. Desnitskii, L. Tsyrlin and N. Yakovlev, eds. *V bor'be za marksizm v literaturnoi nauke* [In the struggle for marxism in literary science]. Moscow. pp. 203–240.
15. Voloshinov, V. N., 1930. *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and the Philosophy of Language]. 2nd ed. Leningrad.
16. Gofman, V. A., 1936. *Yazyk literatury: Ocherki i etyudy* [Language of the literature: Essays and etudes]. Leningrad.
17. Gukovskii, G. A., 1946. *Ocherki po istorii russkogo realizma. Ch. 1: Pushkin i russkie romantiki* [Essays on the history of Russian realism. Part 1: Pushkin and the russian romantics]. Saratov.
18. Danilov, G. K., 1928. On the question of marxist linguistics. *Literatura i marksizm* [Literature and marxism], 6, pp. 115–137.
19. Danilov, G. K., 1929. The marxist method in lexicology. *Russkii yazyk v sovetskoj shkole* [Russian language in the Soviet school], 6, pp. 48–62.
20. Danilov, G. K., 1931. *Kratkii ocherk istorii nauki o yazyke* [A short essay on the history of the science of language]. Moscow.
21. Danilov, G. K. 1934. Linguists of the West. *Za kommunisticheskoe prosveshchenie* [For communist education], 222, p. 3.
22. The tasks of Soviet linguistics in the light of the works of I. V. Stalin and the journal “Questions of Linguistics”, 1952. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 1, pp. 3–40.
23. Ivanov, V. V., 1954. J. Kurytowicz. L'accentuation des langues indoeuropeennes. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 4, pp. 125–135.

24. Kartsevskii, S., 1928. *Povtoritel'nyi kurs russkogo yazyka* [Repeating course of Russian language]. Moscow.

25. Larin, B.A. On the linguistic study of the city. *Russkaya rech'* [Russian speech], 3, pp. 61–74.

26. Loya, Ya., 1929. Voloshinov V.N. Marxism and the Philosophy of Language. *Na literaturnom postu* [At the literary post], 8, pp. 72–73.

27. Medvedev, P., 1928. *Formal'nyi metod v literaturovedenii* [Formal method in literary criticism]. Leningrad.

28. Musin-Pushkin, A. A., 1912. *Sbornik statei po voprosam shkol'nogo obrazovaniya na Zapade i v Rossii (po lichnym nablyudeniyam)* [Collection of articles on school education in the West and in Russia (on personal observations)]. St. Petersburg. Vol. 2.

29. Orlova, V. G., 1952. Discussion of the book of I. I. Meschaninov "Members of the proposals and the part of speech" at the enlarged meeting of the Academic council of the Institute of linguistics of the Academy of sciences of the USSR. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics], 1, pp. 170–176.

30. Peterson, M. N., 1923. General linguistics. *Pechat' i revolyutsiya* [Print and Revolution], 6, pp. 26–32.

31. Peterson, M. N., 1927. Language as a social phenomenon. *Uchenye zapiski Instituta yazyka i literatury RANION (Lingvisticheskaya sektsiya)* [Scientific notes of the Institute of language and literature of RANION (Linguistic Section)], 1, pp. 5–21.

32. Piotrovskii, R. G., 1954. About some stylistic categories. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics], 1, pp. 55–68.

33. Rozhdestvenskii, Yu. V., 1967. *Semiotika i vostochnye yazyki* [Semiotics and oriental languages]. Moscow.

34. Sossyur, F. de, 1916. *Kurs obshchei lingvistiki*, izdannyi Sharlem Baii i Al'bertom Seshegei v sotrudnichestve s Al'bertom Ridligerom. Lozanna, Paris.

35. Sossyur, F. de, 1933. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course of general linguistics]. Moscow.

36. Sossyur, F. de, 1992. *Kurs po obshcha lingvistika* [Course of general linguistics]. Sofiya.

37. *Teoriya literatury* [Theory of Literature], 1965. Moscow. Vol. 3.

38. Shor, R. O., 1929. Voloshinov V.N. Marxism and the philosophy of language. The main problems of the sociological method in the science of language. *Russkii yazyk v sovetskoi shkole* [Russian language in the Soviet school], 3, pp. 149–154.

39. Shpet, G. G., 2012. *Filosof v kul'ture. Dokumenty i pis'ma* [The philosopher in culture. Documents and letters]. Moscow.

40. Zhelezov V. Ya. and Kovalevskii, M. M., eds., 1930. *Entsiklopedicheskii slovar' Granat* [Encyclopedic dictionary Granat]. Moscow. Vol. 41, part. 4.

41. Yakubinskii, L. P., 1931. F. de Sossyur on the impossibility of linguistic policy. *Yazykovedenie i materialism* [Linguistics and materialism], 2, pp. 91–104.

42. Yakubinskii, L. P., 1932. Against "danilovshchina". In: S. N. Bykovskii, ed. *Protiv burzhuaznoi kontrabandy v yazykoznanii* [Against bourgeois smuggling in linguistics]. Leningrad. pp. 47–65.

43. Amacker, R., 2000. Le développement des idées saussuriennes chez Bally et Sechahaye. *Historiographia linguistica*, 2–3, pp. 205–264.
44. Bally, Ch., 1905. *Précis de stylistique*. Geneva.
45. Bally, Ch., 1951. *Traité de stylistique française*. 3rd ed. Geneva, Paris.
46. Bally, Ch., 1935. *Le langage et la vie*. Genève. 3rd ed. Zurich.
47. Bally, Ch., 1950. *Linguistique générale et linguistique française*. Berne.
48. Saussure, F. de, 1916. *Cours de linguistique générale publié par Charles Bally et Albert Sechahaye avec la collaboration de Albert Riedlinger*. Lausanne, Paris.
49. Saussure, F. de, 1922. *Cours de linguistique générale publié par Charles Bally et Albert Sechahaye avec la collaboration de Albert Riedlinger*. Paris.
50. Velmezova, E., 2006. Charles Bally au filtre de la réception en Russie. In: J.-L. Chiss, ed. *Charles Bally (1865–1947): Historicité des débats linguistiques et didactiques: Stylistique: Enonciation: Crise du Français*. Louvain, Paris. pp. 41–51.

About the author

Prof. Dimitar Veselinov, Sofia University St. Kliment Ohridski, Bulgaria.
E-mail: d_vesselinov@yahoo.fr

To cite this article:

Veselinov D. 2017, History in Transcription and Transcription as History: Charles Bally in Soviet Linguistics, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 1, p. 62–83. doi: 10.5922/2225-5346-2017-1-6.